

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME**

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО КАРИМОВ ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба № 54219/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

29 июля 2010

Данное постановление вступит в силу при обстоятельствах, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Оно может подвергнуться редакционной правке.

По делу Каримов против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в составе:

Христос Розакис, *Президент*,

Нина Важич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николау, *судьи*,

и Серен Нильсен, *секретарь Секции*,

Проведя закрытое заседание 6 июля 2010 года,

Вынес следующее постановление, которое было принято в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело начато в связи с жалобой (№ 54219/08) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Узбекистана, г-ном Абдумуталлибом Каримовым («заявитель»), 13 ноября 2008 года.

2. Заявитель был представлен г-жой Е. Рябининой и г-ном Р. Зильберманом, юристами, практикующими в Москве и Йошкар-Оле. Российское Правительство («Правительство») было представлено г-ном Г. Матюшкиным, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что его содержание под стражей российскими властями с целью дальнейшей экстрадиции в Узбекистан, где ему грозило политически мотивированное преследование местными властями, нарушало его права по Статьям 3, 5 и 13 Конвенции.

4. 13 ноября 2008 года Президент Палаты, в которую было распределено дело, в интересах сторон и надлежащего проведения судопроизводства решил указать Правительству России в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, что заявитель не должен быть экстрадирован в Узбекистан до дальнейшего указания.

5. 20 мая 2009 года Президент Первой Секции принял решение уведомить Правительство о жалобе. Было также решено рассмотреть дело по существу одновременно с вопросом о его приемлемости (Статья 29 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1964 году и проживает в Йошкар-Оле, Республика Марий Эл.

7. Факты данного дела, представленные заявителем, могут быть изложены следующим образом.

A. Производство в Узбекистане

8. Заявитель родился и проживал в с. Аим, Узбекистан. С 1997 по 2005 год он владел там маленьким продуктовым магазином.

9. 13 мая 2005 года заявитель поехал в город Андижан, чтобы забрать товар с оптового рынка. В тот день в городе проводилась демонстрация на площади Бобура, заявитель решил поучаствовать в этом событии. В какой-то момент власти открыли огонь по протестующим. Заявителю удалось сбежать, но он потерял свой паспорт в толпе. Опасаясь уголовного преследования со стороны властей за участие в андижанской демонстрации, он покинул страну.

10. 18 июня 2005 года Генеральная прокуратура Узбекистана заочно предъявила заявителю обвинения в совершении нескольких преступлений, включая совершение террористических актов, участие в нескольких экстремистских организациях, включая «Хизб-ут-Тахрир», попытку свержения государственного конституционного строя и организацию массовых беспорядков. Заявитель был объявлен в розыск. Прокуратура вынесла постановление о задержании заявителя.

11. 5 июля 2008 года Генеральная прокуратура Узбекистана направила в Генеральную прокуратуру Российской Федерации запрос об экстрадиции заявителя в Узбекистан.

12. 2 августа 2008 года Андижанская районная прокуратура предъявила заявителю дополнительные обвинения в совершении ряда преступлений, включая ведение священной войны для создания исламского государства, финансирование террористической деятельности, участие в экстремистских организациях и организацию массовых волнений.

В. Производство в России

1. Разбирательства относительно приобретения фальшивого паспорта

13. В неопределенный день в июне 2005 года заявитель прибыл в Йошкар-Олу, Республика Марий Эл, Россия. С июня 2005 года по 11 июня 2008 года он проживал со своим братом, г-ном Х. К., и работал в строительном бизнесе.

14. В неопределенный день в 2007 году заявитель приобрел фальшивый паспорт гражданина Киргизстана.

15. 19 июня 2008 года Центральное управление внутренних дел Йошкар-Олы («Центральное УВД») возбудило уголовное дело в отношении заявителя по Статье 327 Уголовного кодекса (подделка документов).

16. 30 декабря 2008 года городской суд Йошкар-Олы («городской суд») признал заявителя виновным в подделке документов и приговорил его к штрафу в размере 10 000 рублей (РУБ). Заявитель не обжаловал приговор.

2. Экстрадиционные процедуры

17. 11 июня 2008 года заявитель был задержан в России (см. параграф 31 ниже). В тот же день и 19 июня 2008 года он был опрошен и заявлял, что подвергался политически мотивированному преследованию со стороны узбекских властей в связи с андижанскими событиями мая 2005 года. Он отрицал какую-либо причастность к незаконной деятельности.

18. 2 июля 2008 года заявитель вновь был опрошен. Он повторил, что разыскивался узбекскими властями за предполагаемое участие в андижанских событиях мая 2005 года, и отрицал какую-либо причастность к экстремистским организациям.

19. 5 июля 2008 года Генеральная прокуратура Узбекистана направила запрос об экстрадиции заявителя (см. параграф 11 выше).

20. 17 июля 2008 года Федеральная миграционная служба («ФМС») сообщила в Генеральную прокуратуру о том, что заявитель не имел российского гражданства.

21. 6 августа 2008 года УФМС Республики Марий Эл сообщило в прокуратуру Республики Марий Эл, что 1 августа 2008 года ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено.

22. 4 августа 2008 года Министерство иностранных дел России сообщило в Генеральную прокуратуру о том, что не располагает информацией, препятствующей экстрадиции заявителя. Текст документа состоял из трех строчек и гласил:

«МИД России не располагает сведениями, препятствующими выдаче А.М. Каримова правоохранительным органам Республики Узбекистан для привлечения к уголовной ответственности».

23. 30 августа 2008 года Федеральная служба безопасности («ФСБ») сообщила в Генеральную прокуратуру о том, что не располагает информацией, препятствующей экстрадиции заявителя в Узбекистан. Текст документа гласил:

«ФСБ не располагает информацией о политически мотивированном преследовании г-на А. Каримова (родился в 1964 году в Узбекистане) либо об иных обстоятельствах, препятствующих его выдаче правоохранительным органам Узбекистана.

Удовлетворение требования о его выдаче узбекской стороне не нанесет ущерб безопасности и интересам Российской Федерации».

24. 18 сентября 2008 года Генеральная прокуратура России вынесла решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан.

25. 25 сентября 2008 заявитель был проинформирован о решении о его экстрадиции. Он обжаловал его в Верховный Суд Республики Марий Эл. Ссылаясь на прецедентное право Европейского Суда по правам человека, заявитель указал, что он разыскивается узбекскими властями по подозрению в совершении политических преступлений, и что его экстрадиция подвергнет его реальной опасности жестокого обращения со стороны местных органов власти. Кроме того, он заявил, что российское Представительство Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев признало необходимость его международной защиты, и просил, чтобы решение об экстрадиции было отменено как незаконное.

26. 31 октября 2008 года Верховный Суд Республики Марий Эл отказал в удовлетворении жалобы заявителя и оставил решение об экстрадиции в силе, указывая, среди прочего, следующее:

«...правоохранительными органами Республики Узбекистан Каримов А.М. обвиняется в том, что он вступил в преступный сговор ... с целью подрыва безопасности государства, дестабилизации общественно-политической обстановки...

Указанные действия Каримова А.М. квалифицированы [узбекскими властями] как насилие, использование силы, создающих опасность личности или собственности, для понуждения государственного органа совершить или воздержаться от совершения какой-либо деятельности ... то есть преступление, предусмотренное ст. 155 ч. 3 п. «а» УК Республики Узбекистан...

Фактические обстоятельства и юридическая квалификация действий, инкриминируемых Каримову А.М., изложены в постановлениях о привлечении к участию в уголовном деле в качестве обвиняемого от 18 июня 2005 года и от 2 августа 2008 года...

...доводы защиты о том, что Каримов А.М. может быть подвергнут жестокому обращению на территории Республики Узбекистан, не подтверждаются исследованными в судебном заседании материалами...

...Республикой Узбекистан гарантировано, что [заявитель] не будет без согласия Российской Федерации выдан третьему государству... [и] после окончания разбирательства и отбытия наказания сможет свободно покинуть территорию Республики Узбекистан».

27. 7 ноября 2008 года заявитель обжаловал данное решение и решение об экстрадиции в Верховный Суд Российской Федерации («Верховный Суд»). Он утверждал, что разбирательство по его ходатайству о предоставлении статуса беженца на территории России еще не было завершено и что его экстрадиция подвергнет его реальному риску жестокого обращения со стороны узбекских властей.

28. 13 ноября 2008 года Европейский Суд по правам человека удовлетворил запрос заявителя о применении срочных мер по приостановке его экстрадиции в Узбекистан в соответствии с Правилom 39 Регламента Суда.

29. 23 декабря 2008 года Верховный Суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя, и решение об экстрадиции вступило в силу. Суд указал, что заявитель подал ходатайство о предоставлении статуса беженца на территории России только после его задержания 11 июня 2008 года, что его заявления о риске жестокого обращения были необоснованными и что «...Генеральная прокуратура Республики Узбекистан гарантировала ... преследовать Каримова А.М. только за те преступления, в которых его обвиняют...».

30. 22 сентября 2009 года заявитель подал ходатайство в Генеральную прокуратуру об отмене решения об экстрадиции от 18 сентября 2008 года в связи с тем, что ему было предоставлено временное убежище на территории России (см. параграф 57 ниже). Он не получил никакого ответа от властей.

3. Содержание заявителя под стражей для дальнейшей экстрадиции

31. 11 июня 2008 года заявитель был задержан в Йошкар-Оле и помещен в местный следственный изолятор ИЗ-21/1 («следственный изолятор»).

32. 12 июня 2008 года городской суд вынес постановление об избрании заявителю меры пресечения в виде содержания под стражей до 12 июля 2008 года, указав:

«...Заместителем Начальника ... УВД Андижанской области заявлено ходатайство ... арестовать задержанного Каримова А.М. ... требование о выдаче будет представлено [российским властям] в месячный срок».

17 июня 2008 года заявитель обжаловал данное решение в Верховный Суд Республики Марий Эл. 2 июля 2008 года последний оставил его в силе.

33. 4 июля 2008 года городской суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 21 июля 2008 года. 7 июля 2008 года заявитель обжаловал данное решение в Верховный Суд Республики Марий Эл. 1 августа 2008 года последний оставил в силе решение о продлении срока.

34. 22 июля 2008 года адвокат заявителя от его имени подал заявление начальнику следственного изолятора об освобождении заявителя из-под стражи, поскольку срок его содержания под стражей истек 21 июля 2008 года, и дальнейшее содержание под стражей было незаконным.

35. В тот же день начальник следственного изолятора ответил адвокату, указав следующее:

«...правоохранительные органы Российской Федерации получили запрос из Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан об экстрадиции А.М. Каримова... В связи с этим содержание [заявителя] под стражей законно и обоснованно».

36. В тот же день, 22 июля 2008 года, адвокат от имени заявителя обжаловал ответ начальника следственного изолятора в городской суд Йошкар-Олы по Статье 125 Уголовно-процессуального кодекса (жалобы на действия и решения должностных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве). Он утверждал, что содержание заявителя под стражей было санкционировано только до 21 июля 2008 года и что его дальнейшее содержание под стражей было незаконным. 25 июля 2008 года городской суд оставил жалобу без рассмотрения, указывая, что заявитель не сформулировал четко свои требования и не предоставил копий соответствующих решений судов о продлении срока. Определение указывало, что заявитель должен исправить указанные недостатки и вновь подать свою жалобу до 30 июля 2008 года. Заявитель обжаловал данное определение в Верховный Суд Республики Марий Эл, который 4 августа 2008 года вернул жалобу без рассмотрения в связи с несоблюдением требований, указанных в определении от 25 июля 2008 года.

37. Тем временем, 24 июля 2008 года городской суд по ходатайству прокурора Йошкар-Олы продлил срок содержания заявителя под стражей до 12 декабря 2008 года. Что касается утверждений заявителя относительно незаконности его содержания под стражей с 21 по 24 июля 2008 года, суд указал:

«...Поскольку прокурор г. Йошкар-Олы уже выходил с аналогичным ходатайством в суд об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу, которое судом было удовлетворено ... в ... срок

содержания под стражей заявителя следует засчитать срок содержания заявителя под стражей с 12 июня 2008 года по 24 июля 2008 года».

28 июля 2008 года заявитель обжаловал данное решение о продлении срока содержания под стражей в Верховный Суд Республики Марий Эл. 14 августа 2008 года последний оставил в силе решение о продлении срока содержания заявителя под стражей; он оставил без рассмотрения вопрос законности содержания заявителя под стражей с 21 по 24 июля 2008 года.

38. 5 декабря 2008 года городской суд по ходатайству прокурора Йошкар-Олы продлил срок содержания заявителя под стражей для экстрадиции до 12 марта 2009 года. В тот же день заявитель обжаловал данное решение в Верховный Суд Республики Марий Эл. 19 декабря 2008 года последний оставил в силе решение о продлении срока.

39. 11 марта 2009 года городской суд по ходатайству прокурора Йошкар-Олы продлил срок содержания заявителя под стражей до 11 июня 2009 года. 13 марта 2009 года заявитель обжаловал данное решение в Верховный Суд Республики Марий Эл. 26 марта 2009 года последний оставил решение о продлении срока в силе.

40. 22 мая 2009 года городской суд отклонил ходатайство прокурора Йошкар-Олы и отказал в продлении срока содержания заявителя под стражей до 11 декабря 2009 года (до 18 месяцев). Прокуратура обжаловала данный отказ в Верховный Суд. 23 июня 2009 года Верховный Суд оставил в силе отказ в продлении срока содержания заявителя под стражей.

41. 11 июня 2009 года заявитель был освобожден из следственного изолятора.

4. Ходатайства заявителя о предоставлении статуса беженца и временного убежища

(а) Ходатайство заявителя о предоставлении статуса беженца

42. 23 июня 2008 года заявитель подал предварительное ходатайство о предоставлении статуса беженца в России. 7 июля 2008 года он подал полное заявление.

43. 1 августа 2008 года УФМС Республики Марий Эл отказало в рассмотрении ходатайства заявителя. Решение ссылалось на Статью 5 § 1 (1) Федерального Закона о беженцах, которая устанавливает, что одним из оснований отказа в рассмотрении ходатайства о предоставлении статуса беженца является возбужденное уголовное дело в отношении лица, ходатайствующего о предоставлении статуса беженца.

44. 24 сентября 2008 года Российское Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев сообщило в УФМС Республики

Марий Эл о том, что «отказ А. Каримову в доступе к процедуре предоставления статуса беженца нарушает Статью 14 Декларации прав человека ООН 1948 года...».

45. 1 октября 2008 года заявитель обжаловал отказ в городской суд. Он утверждал, что покинул Узбекистан из-за опасений жестокого обращения со стороны органов местной власти за предполагаемое участие в демонстрации в Андижане в мае 2005 года и что он разыскивается узбекскими властями за политические преступления. Заявитель просил суд отменить отказ и обязать УФМС рассмотреть его ходатайство.

46. 2 октября 2008 года российское Представительство Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев направил Генеральному прокурору Российской Федерации письмо, указав, что решение Генерального Прокурора об экстрадиции заявителя в Узбекистан было принято без надлежащего рассмотрения его ходатайства о предоставлении статуса беженца в России.

47. 3 октября 2008 года российское Представительство Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев направило Директору ФМС России письмо. В нем говорилось, что информация, предоставленная заявителем о событиях в Узбекистане, была признана достоверной, и что его опасения относительно жестокого обращения со стороны узбекских властей были оправданы и обоснованы. В письме содержалась просьба к российским властям учесть мнение Верховного Комиссара по делу заявителя при рассмотрении его ходатайства о предоставлении статуса беженца в России.

48. 9 октября 2008 года суд удовлетворил жалобу заявителя и обязал УФМС Республики Марий Эл рассмотреть ходатайство заявителя о предоставлении статуса беженца.

49. 22 октября 2008 года УФМС Республики Марий Эл приняло решение о рассмотрении ходатайства заявителя.

50. В тот же день, 22 октября 2008 года, российское Представительство Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев направило письмо в Верховный Суд Республики Марий Эл. В письме говорилось, что заявитель «...подпадает под определение беженца в соответствии с Женевской Конвенцией...» и что ему угрожает реальный риск жестокого обращения в Узбекистане в случае экстрадиции. В письме говорилось, что экстрадиция заявителя нарушит обязательства российских властей по Конвенции о статусе беженцев.

51. 14 ноября 2008 года Генеральная прокуратура сообщила заявителю, что его экстрадиция в Узбекистан была приостановлена до завершения рассмотрения его ходатайства о предоставлении статуса беженца.

52. 16 января 2009 года Российское Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев сообщило представителю заявителя, что применение Правила 39 Европейским Судом по правам человека не должно было быть прекращено, поскольку оно являлось единственной защитой заявителя от экстрадиции в Узбекистан.

53. 22 января 2009 года УФМС Республики Марий Эл отказало в предоставлении заявителю статуса беженца в России. Заявитель обжаловал данное решение в городской суд. 5 марта 2009 года суд оставил отказ в силе. Заявитель обжаловал решение суда в Верховный Суд Республики Марий Эл. 16 апреля 2009 года последний рассмотрел жалобу и направил дело на новое рассмотрение в городской суд.

54. 27 апреля 2009 года Российское Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев направило письмо в городской суд, подтверждая, что опасения заявителя политически мотивированного преследования и жестокого обращения в Узбекистане были оправданы и обоснованы.

55. 15 мая 2009 года городской суд отказал в удовлетворении жалобы заявителя и оставил отказ в предоставлении ему статуса беженца в силе. 18 июня 2009 года отказу была придана законная сила Верховным Судом Республики Марий Эл.

(b) Ходатайство заявителя о предоставлении временного убежища

56. 16 июня 2009 года заявитель подал в УФМС ходатайство о предоставлении временного убежища, указывая, что опасается политически мотивированного преследования и жестокого обращения в Узбекистане.

57. 31 августа 2009 года УФМС удовлетворило ходатайство заявителя и предоставило ему временное убежище сроком на один год.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

A. Содержание под стражей в ожидании экстрадиции и судебный контроль за содержанием под стражей

1. Российская Конституция

58. Конституция гарантирует право на свободу (Статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. Европейская конвенция о выдаче

59. Статья 16 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года (CETS № 024), участницей которой является Россия, предусматривает следующее:

«1. В безотлагательном случае компетентные органы запрашивающей Стороны могут обратиться с просьбой о предварительном задержании разыскиваемого лица. Компетентные органы запрашиваемой Стороны принимают решение по данному вопросу в соответствии с ее законом.

...

4. Предварительное задержание может быть прекращено, если в течение 18 дней после ареста запрашиваемая Сторона не получила запроса о выдаче и документов, упомянутых в Статье 12. В любом случае этот период не превышает 40 дней с даты такого задержания. Возможность временного освобождения в любое время не исключается, однако запрашиваемая Сторона принимает любые меры, которые она считает необходимыми, для предотвращения побега разыскиваемого лица».

3. Минская Конвенция 1993 года

60. В Конвенции СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская Конвенция 1993 года), участниками которой являются Россия и Узбекистан, предусмотрено, что требование о выдаче должно сопровождаться постановлением о заключении под стражу (Статья 58 § 2).

61. Лицо, выдача которого требуется, может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В таких случаях подается отдельное ходатайство, содержащее ссылку на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно. Лицо может быть также задержано и без такого ходатайства, если имеются основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу. Другая Договаривающаяся Сторона должна быть немедленно уведомлена о взятии под стражу (Статья 61).

62. Лицо, взятое под стражу согласно Статье 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение сорока дней со дня взятия под стражу (Статья 62 § 1).

4. Уголовно-процессуальный кодекс

63. Глава 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации («Меры пресечения») регулирует использование мер пресечения, или превентивных мер (*меры пресечения*), которые, в частности, включают заключение под стражу. Заключение под стражу

может быть применено судом по ходатайству следователя или прокурора, если лицо обвиняется в преступлении, наказание за совершение которого предусматривает лишение свободы на срок не менее двух лет, при условии, что не может быть применена менее строгая мера пресечения (Статья 108 § 1 и §3). Срок содержания под стражей при расследовании не может превышать двух месяцев (Статья 109 § 1). Судья может продлить этот срок до шести месяцев (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока до двенадцати месяцев или, при исключительных обстоятельствах, до восемнадцати месяцев может быть разрешено только в том случае, если лицо обвиняется в тяжких или особо тяжких преступлениях (Статья 109 § 3). Продление срока более чем на восемнадцать месяцев недопустимо, и задержанный должен быть немедленно освобожден (Статья 109 § 4).

64. Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает судебный контроль за решениями и действиями или бездействием следователя или прокурора, которые могут причинить ущерб конституционным правам или свободам участников уголовного судопроизводства (Статья 125 § 1). Суд рассматривает жалобы в течение пяти дней со дня их получения.

65. . Глава 54 («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регулирует процедуру экстрадиции. При получении запроса о выдаче, к которому не прилагается решение о заключении под стражу, выданное иностранным судом, прокурор должен принять решение о относительно применения меры пресечения к лицу, выдача которого запрашивается. Мера должна применяться в соответствии с предусмотренным порядком (Статья 466 § 1). Лицо, которому было предоставлено убежище в Российской Федерации в связи с возможным политическим преследованием в том государстве, которое запрашивает его выдачу, не может быть выдано этому государству (статья 464 § 1 (2)).

66. Решение о выдаче, принятое Генеральным прокурором может быть обжаловано в суде. Вопросы виновности или невиновности не входят в круг судебного рассмотрения, которое ограничивается лишь оценкой соответствия запроса о выдаче процедуре, установленной в соответствующем международном и национальном законодательстве (Статья 463 §§ 1 и 6).

5. Гражданский процессуальный кодекс

67. Лицо может оспорить в суде решения и действия или бездействие органов государственной власти или должностных лиц, которые нарушают его/ее права и свободы, препятствуют реализации его/ее прав и свобод или незаконно налагают обязанности или привлекают к ответственности (Статьи 254 § 1 и 255). Если суд

признает заявление обоснованным, то он должен обязать соответствующие орган государственной власти или должностное лицо устранить нарушение или препятствие к осуществлению указанных прав и свобод (Статья 258 § 1).

6. Судебная практика Конституционного Суда

(a) Определение Конституционного Суда № 292-О от 15 июля 2003 года

68. . 15 июля 2003 года Конституционный Суд вынес определение № 292-О по жалобе г-на Худоерова на продление срока его «содержания под стражей в ходе судебного производства» Владимирским областным судом после его истечения. Суд постановил следующее:

«Часть третья статьи 255 УПК Российской Федерации предусматривает, что суд ... по истечении шести месяцев со дня поступления уголовного дела в суд вправе продлить срок содержания подсудимого под стражей не более чем на три месяца каждый раз, и не включает положений, которые бы предусматривали возможность принятия судом решения о продлении срока содержания обвиняемого под стражей уже после истечения ранее установленного срока и тем самым допускали бы содержание лица под стражей в течение определенного периода времени без судебного решения. Не предусматривается такая возможность и другими нормами уголовно-процессуального законодательства. Более того, часть вторая статьи 10 и часть четвертая статьи 109 УПК Российской Федерации прямо предписывают суду, прокурору, следователю ... немедленно освободить всякого незаконно содержащегося под стражей свыше срока, установленного данным Кодексом. Это вытекает из положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (являющейся в соответствии со статьей 15, часть 4, Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы Российской Федерации)...»

(b) Определение Конституционного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

69. Проверая конституционность Статьи 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса, Конституционный Суд повторил свою постоянную позицию о том, что чрезмерно длительное или произвольное содержание под стражей, не ограниченное по времени, законность которого не проверяется должным образом, противоречит Статье 22 Конституции и Статье 14 § 3 Международного Пакта о гражданских и политических правах по всем делам, включая рассмотрение требования о выдаче.

70. По мнению Конституционного Суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленные в статье 22 и главе 2 Конституции, равно как и правовые нормы Главы 13 УПК РФ о мерах пресечения, были полностью применимы к содержанию под стражей с целью выдачи. Следовательно, статья 466 УПК РФ не позволяет

властям применять меру пресечения в виде заключения под стражу без соблюдения порядка, предусмотренного УПК РФ, или с превышением сроков, предусмотренных кодексом.

(с) Определение Конституционного Суда № 158-О от 11 июля 2006 по ходатайству Генерального прокурора о разьяснении

71. Генеральный прокурор ходатайствовал перед Конституционным Судом об официальном разьяснении определения данного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года (см. выше) с целью, в частности, выяснить порядок продления срока содержания под стражей с целью выдачи.

72. Конституционный Суд отказал в удовлетворении ходатайства, поскольку в его компетенцию не входит разрешение вопроса о том, какие именно нормы уголовно-процессуального законодательства призваны определять порядок и сроки содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче. Этот вопрос относится к ведению судов общей юрисдикции.

(d) Определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года

73. В данном определении Конституционный Суд повторил, что Статья 466 УПК РФ не предусматривает того, что содержание под стражей лица на основании запроса о выдаче не должно соответствовать порядку и срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

В. Статус беженцев

1. Женевская Конвенция о статусе беженцев 1951 года

74. Статья 33 Конвенции ООН о статусе беженцев 1951 года, которая была ратифицирована Российской Федерацией 2 февраля 1993 года, гласит следующее:

«1. Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать (*'refouler'*) беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

2. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны».

2. Закон о беженцах

75. В Закон о беженцах (Закон № 4528-І от 19 февраля 1993 года) включено определение термина «беженец», содержащееся в Статье 1 Женевской Конвенции 1951 года, с поправками, внесенными Протоколом 1967 года в отношении статуса беженцев. Закон определяет беженца как лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений (статья 1 § 1 (1)).

76. Закон не применяется к лицу, которое обоснованно считается совершившим преступление против мира, военное преступление, преступление против человечества или тяжкое преступление неполитического характера вне страны убежища до своего приезда в эту страну в качестве лица, ходатайствующего о получении статуса беженца (статья 2 § 1 (1) и (2)).

77. Лицо, ходатайствующее о признании беженцем или признанное беженцем, не может быть возвращено в страну, где его жизнь или свобода будут подвергаться опасности по причине его расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений (статья 10 § 1).

78. Если лицо удовлетворяет критериям, установленным в статье 1 § 1 (1), или если оно не отвечает таким критериям, но не может быть выслано или депортировано из России из гуманных побуждений, ему может быть предоставлено временное убежище (статья 12 § 2). Лицо, получившее временное убежище, не может быть возвращено против его воли на территорию государства своей гражданской принадлежности или своего прежнего обычного местожительства (статья 12 § 4).

С. Соответствующие документы об использовании дипломатических гарантий и ситуации в Узбекистане

79. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/148 от 18 декабря 2007 года «Пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания» (UN Doc.:A/RES/62/148) говорится:

«Генеральная Ассамблея...

12. *настоятельно призывает* государства не высылать, не возвращать (“refouler”), не выдавать или любым иным образом не передавать какое-либо лицо другому государству, если существуют веские основания полагать, что этому лицу угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, и признает, что наличие дипломатических заверений не освобождает государства от их обязательств по международному праву, касающемуся прав человека, международному гуманитарному и беженскому праву, в частности обязательств соблюдать принцип отказа от принудительного возвращения...»

80. В своем промежуточном докладе, представленном в соответствии с резолюцией Ассамблеи 59/182 (UN Doc.: A/60/316, 30 августа 2005 года), Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, Манфред Новак, пришел к следующим выводам:

«51. По мнению Специального докладчика, дипломатические заверения являются ненадежным и неэффективным средством защиты от пыток и дурного обращения: такие заверения обычно запрашиваются у государств, где систематически практикуются пытки; механизмы отслеживания судьбы возвращенных лиц не показали себя как гарантия от пыток; дипломатические заверения не имеют юридически обязывающего характера, в связи с чем они не имеют каких-либо правовых последствий, а их несоблюдение не влечет за собой никакой ответственности; лицу, которое призваны защитить заверения, некуда обратиться, если эти заверения не будут соблюдены. Поэтому Специальный докладчик придерживается той точки зрения, что государствам нельзя прибегать к дипломатическим заверениям как к гарантии от пыток и дурного обращения, если существуют серьезные основания полагать, что по возвращении человеку может угрожать применение пыток или жестокое обращение.

52. Специальный докладчик призывает правительства скрупулезно соблюдать принцип невыдворения и не высылать никаких лиц в те пределы или территории, где им могут угрожать нарушения прав человека, независимо от того, получили ли эти лица официальное признание в качестве беженцев».

81. Особо останавливаясь на ситуации с пытками в Узбекистане, применении пыток после дипломатических гарантий со стороны узбекских властей, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 2-й Сессии Совета ООН по правам человека 20 сентября 2006 года следующее:

«Применение пыток в Узбекистане носит систематический характер, как указывается в отчете о поездке в страну в 2002 году моего предшественника Тео ван Бовена. В подтверждение этих заключений мой офис продолжает получать тревожные сообщения о применении пыток узбекскими сотрудниками правоохранительных органов... Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщил, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт,

что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого анализа связанных с ними разбирательств, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Перед лицом таких значительных, серьезных и убедительных доказательств систематических пыток, применяемых сотрудниками правоохранительных органов в Узбекистане, я продолжу призывать Правительства воздержаться от передачи лиц в Узбекистан. Запрет пыток является абсолютным, и государства рискуют нарушить данный запрет – свои обязательства по международному праву – передавая лиц в страны, где они рискуют подвергнуться пыткам. Я повторяю, что дипломатические заверения не являются юридически обязательными, низводят существующие обязательства государств по запрещению пыток, являются неэффективными и ненадежными в обеспечении защиты прав возвращенных людей и поэтому не должны использоваться Государствами».

82. Далее, говоря о ситуации с пытками в Узбекистане, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил на 3-й Сессии Совета ООН по правам человека 18 сентября 2008 года:

«741. Специальный докладчик ... подчеркнул, что он продолжает получать серьезные заявления о пытках со стороны представителей правоохранительных органов в Узбекистане...

743. Более того, в отношении событий мая 2005 года в Андижане Верховный Комиссар ООН по правам человека сообщал, что существуют весомые, существенные и убедительные доказательства совершения там грубых нарушений прав человека представителями узбекских вооруженных сил и сил безопасности. Тот факт, что Правительство отказалось от международного расследования Андижанских событий и независимого тщательного исследования относящихся к ним процессов, а также что не существует международно-принятого отчета о событиях, вызывает глубокую озабоченность. Тем более учитывая, что в настоящий момент не ведется независимого мониторинга прав человека.

744. В свете вышесказанного существует мало доказательств, в том числе и от Правительства, которые могли бы рассеять опасения или как-то иначе убедить Специального докладчика, что ситуация с применением пыток значительным образом улучшилась с момента прошлой поездки в 2002 году...»

83. Комментарии Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев о дипломатических заверениях и международной защите беженцев, опубликованные 10 августа 2006 года, гласят:

22. В целом оценка пригодности дипломатических заверений является сравнительно однозначной, когда они предназначены гарантировать, что рассматриваемые лица не подвергнутся смертной казни или риску определенных нарушений права на справедливое судебное разбирательство вследствие экстрадиции. В таких случаях запрашиваемое лицо переводится в условия формального процесса, и можно контролировать соблюдение предоставленных гарантий со стороны ходатайствующего Государства. Несмотря на отсутствие эффективных средств правовой защиты для запрашиваемого государства или возвращаемого лица, несоблюдении

гарантий может быть легко выявлено и должно быть принято во внимание при оценке надежности таких гарантий в отношении будущих дел.

23. Ситуация отличается, если указанное лицо рискует быть подвергнутым пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения в принимающем Государстве после перемещения. Было отмечено, что «в отличие от заверений о неприменении смертной казни или судебного разбирательства военным судом, которые легко поддаются проверке, гарантии против пыток и других злоупотреблений требуют постоянной бдительности со стороны компетентных и независимых специалистов». Верховный суд Канады рассматривал данный вопрос в своем решении по делу Суреш против Канады (Министр по вопросам гражданства и иммиграции), сопоставляя заверения в тех делах, где присутствовал риск применения пыток, с теми, где высланному лицу грозил смертный приговор, сообщая о

‘...сложно чрезмерно доверять заверениям государства о том, что оно будет воздерживаться от применения пыток в будущем, когда оно уже применяло незаконные пытки или позволяло другим делать это на своей территории в прошлом. Эта сложность становится особенно острой в тех случаях, когда пытки причиняются не только в сговоре, но также и в силу бессилия государства регулировать поведение своих должностных лиц. Таким образом, необходимо проводить различие между заверениями в отношении смертной казни и заверениями в отношении пыток. Первые легче контролируемы и в целом заслуживают большего доверия, чем последние’.

24. В своем докладе перед Генеральной Ассамблеей ООН 1 сентября 2004 года Специальный докладчик Комиссии ООН по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания исследовал вопрос о дипломатических заверениях в свете обязательства отказа от принудительного возвращения, которое характеризуется абсолютным и неумалимым запрещением пыток и других форм жестокого обращения. Отметив, что при определении того, имеются ли веские основания полагать, что человеку будет угрожать опасность подвергнуться пыткам, необходимо принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, Специальный докладчик далее высказал мнение о том, что:

‘при обстоятельствах, когда существует закономерность грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, или систематического применения пыток, принцип невыдворения должен строго соблюдаться, а дипломатические заверения не должны применяться’».

84. Государственный департамент Соединенных Штатов, Отчет о правах человека в странах мира за 2009 год – Узбекистан, 11 марта 2010 года.

«С. Пытки и иное жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание

Хотя конституция и закон запрещают подобные методы, сотрудники правоохранительных органов и сил безопасности регулярно избивают и иным образом жестоко обращаются с задержанными с целью получения признаний

или обличительной информации. пытки и насилие стали повседневными в тюрьмах, следственных изоляторах и местных полицейских участках и участках сил безопасности. заключенных подвергали воздействию предельных температур. наблюдатели сообщали о нескольких случаях медицинских злоупотреблений и одном известном случае применения принудительного психиатрического лечения.

...

По сообщениям, власти обращались с лицами, подозреваемыми в чрезмерных исламистских политических симпатиях, особенно во время досудебного заключения, с предполагаемыми членами запрещенных экстремистских политических организаций Хизб ут-Тахрир (ХТ) или Нур, более жестоко, чем с обычными преступниками. Местные правозащитники сообщали, что обычным преступникам власти часто платили или иным образом провоцировали на избивание подозреваемых в экстремизме или иных лиц, противостоящих правительству. Двое правозащитников, которые были арестованы, сообщали об избиваниях в следственном изоляторе.

Были сообщения о политически мотивированных медицинских злоупотреблениях. Жертвы могли ходатайствовать через защитников о рассмотрении их дел экспертными медицинскими консилиумами. На практике, однако, такие органы в основном поддерживали решения правоохранительных органов.

...

Условия в тюрьмах и следственных изоляторах

Условия в тюрьмах остались плачевными и в некоторых случаях угрожающими жизни. Продолжали поступать сообщения о серьезных злоупотреблениях, перенаселенности и нехватке еды и лекарств. Туберкулез и гепатит свирепствуют в тюрьмах, делая даже короткие периоды заключения под стражу потенциально опасными для жизни. Члены семей заключенных часто сообщали, что сотрудники тюрем крали еду и лекарства, предназначенные заключенным.

Были сообщения о том, что власти не освобождали заключенных из-под стражи, особенно осужденных за религиозный экстремизм, после окончания срока их заключения. Вместо этого начальство тюрем применяло ухищрения, чтобы продлить срок их заключения, обвиняя их в дополнительных преступлениях или заявляя, что заключенные представляют постоянную опасность для общества. Эти обвинения не рассматривались в судах».

85. Европейский Комитет по предотвращению пыток (КПП) в своем 15-ом Общем Докладе о деятельности от 22 сентября 2005 года, охватывающем период с 1 августа 2004 года по 31 июля 2005 года, выразил озабоченность по поводу использования дипломатических заверений в свете абсолютного запрещения пыток:

«38. В предисловии было упомянуто потенциальное противоречие между обязанностью государства защищать своих граждан от террористических актов и необходимостью соблюдать основополагающие ценности. Это хорошо

иллюстрируется ныне существующим расхождением во мнениях относительно использования «дипломатических гарантий» в контексте процедуры депортации. Запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения включает в себя и обязательство не отправлять человека в страну, где существуют серьезные основания полагать, что ему или ей грозит реальная опасность подвергнуться таким методам. Для того чтобы избежать подобного риска в определенных случаях некоторые Государства избрали путь получения гарантий от страны назначения в том, что соответствующий человек не будет подвергаться жестокому обращению. Такая практика далеко не новая, но в последние годы попала в центр внимания, так как Государства все чаще стремятся отослать со своих территорий тех лиц, которые, как считается, угрожают национальной безопасности. Растут опасения того, что использование дипломатических гарантий является, по сути, средством обойти запрет на применение пыток и жестокого обращения.

39. Стремление к получению дипломатических заверений со стороны стран с плохими общими показателями по применению пыток и жестокого обращения вызывает особое беспокойство. Из этих данных необязательно следует, что тот человек, в отношении которого предполагается депортация, лично подвергается реальной опасности жестокого обращения в соответствующей стране; необходимо учитывать конкретные обстоятельства при проведении такой оценки. Однако если на самом деле существует риск жестокого обращения, то могут ли дипломатические заверения, полученные от властей страны, где пытки и жестокое обращение постоянно широко практикуются, являться достаточной защитой против подобной опасности? С некоторой уверенностью можно заранее предположить, что даже если эти власти на самом деле эффективно контролируют учреждения, в которых предположительно будет содержаться под арестом соответствующий человек (что не всегда происходит в реальности), нет никаких гарантий того, что данные заверения будут соблюдаться на практике. Если эти страны не соблюдают свои обязательства в рамках ратифицированных ими международных договоров по защите прав человека, то резонно задать вопрос, как можно быть уверенными, что они будут соблюдать гарантии, предоставленные на двусторонней основе в каком-то конкретном случае?

40. В ответ на это был выдвинут аргумент, что можно разработать механизмы мониторинга обращения с депортированным лицом после его возвращения в случае его/ее задержания. Несмотря на то, что КПП сохраняет непредрешенную позицию по данному вопросу, он все еще не увидел убедительных предложений по эффективным и практичным механизмам такого рода. Для того, чтобы быть эффективным, такой механизм должен, безусловно, включать некоторые основные гарантии, в том числе право на посещение соответствующего лица независимыми и достаточно квалифицированными специалистами в любое время и без предварительного уведомления, а также право на беседу с ним при закрытых дверях в том месте, которое они выберут. Такой механизм также должен предлагать способы незамедлительного действия по защите, в случае выяснения того, что предоставленные гарантии не соблюдаются».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Представления сторон

86. Правительство утверждало, что жалоба должна быть признана неприемлемой ввиду несоответствия принципу *ratione personae*. Оно заявляло, что заявитель не был экстрадирован российскими властями в Узбекистан, данная мера не была к нему применена, его экстрадиция была приостановлена, и поэтому он не может считаться жертвой нарушения Статьи 3.

87. Заявитель оспаривал данное возражение и заявлял, что существовал большой риск применения к нему жестокого обращения в случае экстрадиции в Узбекистан, что решению об экстрадиции была придана законная сила российскими властями и что его экстрадиция была приостановлена только в связи с применением срочных мер Судом.

B. Оценка Суда

88. Суд повторяет, что индивид не может более считаться жертвой нарушения Конвенции, если национальные власти признают, прямо либо по существу, нарушение Конвенции и предоставят возмещение вреда (см. среди множества прецедентов *Ашур против Франции* (реш.), № 67335/01, 11 марта 2004, в котором власти отменили решение о высылке в отношении заявителя, и *Амур против Франции*, 25 июня 1996, § 36, *Отчеты о постановлениях и решениях 1996-III*).

89. Что касается особой категории дел, затрагивающих меры по высылке, Суд постоянно постановлял, что заявитель не может считаться «жертвой» меры, которую невозможно исполнить (см. дела *Виджаянатан и Пуспараджа против Франции*, § 46, 27 августа 1992, Series A no. 241-B; см. также *Пэламби против Франции* (реш.), № 65730/01, 18 января 2005, и *Этанжи против Франции* (реш.), № 60411/00, 1 марта 2005). Он принял такой же подход в делах, где исполнение решение о депортации или экстрадиции было остановлено на неопределенный срок или иным образом лишено юридической силы, и где любое решение властей продолжить депортацию могло быть обжаловано в компетентный суд (см. дело *Калантари против Германии* (прекращение производства), № 51342/99, §§ 55-56, ECHR 2001-X, и *Мехеми против Франции* (№ 2), № 53470/99, § 54, ECHR

2003-IV; см. также *Шамаев и другие против Грузии и России*, № 36378/02, § 355, ECHR 2005-III; *Андрич против Швеции* (реш.), № 45917/99, 23 февраля 1999; *Бенамар и другие против Франции* (реш.), № 42216/98, 14 ноября 2000; и *Джемаилджи против Швейцарии* (реш.), № 13531/03, 18 января 2005).

90. Данная жалоба касается экстрадиции заявителя в Узбекистан, где, по его заявлениям, ему грозит серьезная опасность подвергнуться жестокому обращению со стороны властей в связи с его политическими и религиозными убеждениями. Суд отмечает, во-первых, что решению об экстрадиции заявителя была придана законная сила российскими властями 23 декабря 2008 года (см. параграф 29 выше); а во-вторых, что решение не экстрадировать заявителя до дальнейшего уведомления Европейским Судом было принято российскими властями в ноябре 2008 года только в связи с применением Правила 39 Регламента Суда. Очевидно, тот факт, что заявитель не был передан узбекским властям, не представлял собой признания, явного или косвенного, со стороны российских властей, что было или могло быть нарушение Статьи 3, или что решение об экстрадиции заявителя было лишено юридической силы.

91. В данных обстоятельствах Суд считает, что заявитель может считаться «жертвой» с точки зрения Статьи 34 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

92. Заявитель жаловался, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его реальному риску пыток и жестокого обращения, запрещенного Статьей 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

93. Правительство заявляло, что утверждения заявителя о политически мотивированных преследованиях проверялись российскими судами при рассмотрении жалоб на решение об экстрадиции и были отвергнуты как необоснованные. Российские суды руководствовались заявлением Генеральной прокуратуры Узбекистана о том, что для заявителя не будет никакой опасности жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан, и тем фактом, что такие российские органы как Министерство иностранных дел и ФСБ не обладают информацией, подтверждающей его утверждения. Ссылаясь на гарантии узбекских властей, Правительство утверждало,

что заявитель не будет подвергнут жестокому обращению или наказанию, нарушающему Статью 3 Конвенции.

94. Заявитель продолжал настаивать, что в российских судах он заявлял, что для него существует реальный риск жестокого обращения и политического преследования в Узбекистане. Он представил отчеты органов ООН и международных НПО по Узбекистану, которые подтверждали, что пытки широко распространены в местах содержания под стражей, и эта информация не была должным образом оценена российскими властями. Далее он продолжал настаивать на том, что власти не приняли в расчет информацию из Российского Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, подтверждающую, что опасения подвергнуться жестокому обращению в Узбекистане были оправданными и обоснованными. Он отметил, что суды отвергли его доводы без какой-либо мотивировки, кроме ссылок на гарантии, предоставленные узбекскими властями. Наконец, он ссылаясь на ряд дел, уже рассмотренных Судом, в которых было установлено, что экстрадиция в Узбекистан лица, разыскиваемого за политические преступления, представляет собой нарушение Статьи 3.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

95. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой ни по каким основаниям. В силу этого она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

96. Для обзора соответствующих основных принципов, разработанных в прецедентном праве Суда, см. дело *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [БП], №№ 46827/99 и 46951/99, §§ 66-70, ECHR 2005-I.

97. Из материалов, представленных сторонами, следует, что заявитель был арестован в России и впоследствии заключен под стражу по запросу узбекских властей, которые подозревали его в совершении нескольких преступлений, включая попытку свержения конституционного строя и участие в экстремистской организации. Российские власти инициировали процедуру экстрадиции в отношении него. В ходе данной процедуры заявитель утверждал, что его экстрадиция в Узбекистан подвергнет его опасности жестокого обращения. Он также подал ходатайство о предоставлении убежища, повторяя свои доводы о страхе пыток и преследования по

политическим мотивам. Он подтверждал свои утверждения отчетами, подготовленными органами ООН и международными НПО, описывавшими жестокое обращение с заключенными в Узбекистане. Российское Представительство Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев подтвердило, что его опасения преследования и жестокого обращения в Узбекистане были оправданными и обоснованными. Российские власти отказали в удовлетворении его ходатайства о предоставлении статуса беженца и вынесли решение о его экстрадиции в Узбекистан на основании гарантий узбекских властей и информации, полученной из Министерства иностранных дел и ФСБ (см. параграфы 26-29 выше).

98. Задача Суда состоит в том, чтобы установить, существует ли реальный риск жестокого обращения в случае экстрадиции заявителя в Узбекистан. Поскольку он еще не был экстрадирован благодаря применению Судом срочных мер по Правилу 39 Регламента Суда, имеющей значение датой для оценки этого риска является дата рассмотрения дела Судом. Следовательно, хотя историческая позиция представляет интерес, так как она позволяет пролить свет на текущую ситуацию и ее возможное развитие, решающими являются ныне существующие условия (см. дело *Чахал против Соединенного Королевства*, 15 ноября 1996, § 86, *Отчеты о постановлениях и решениях 1996-V*).

99. Что касается утверждений заявителя о том, что заключенные подвергаются жестокому обращению в Узбекистане, Суд недавно подтверждал, что данная проблема общего характера все еще продолжает существовать в этой стране (см., например, дела *Исмоилов и другие против России*, № 2947/06, §§ 120-121, 24 апреля 2008, и *Муминов против России*, № 42502/06, §§ 93-96, 11 декабря 2008). Не было представлено никаких конкретных свидетельств, которые бы продемонстрировали какие-либо существенные улучшения в этой области в Узбекистане за последние несколько лет (см. параграфы 81, 82 и 84 выше). Учитывая данные обстоятельства, Суд считает, что жестокое обращение с заключенными представляет собой повсеместную и устойчивую проблему в Узбекистане.

100. Что касается персональной ситуации заявителя, Суд отмечает, что ему были предъявлены обвинения в политически мотивированных преступлениях. Учитывая, что в отношении заявителя было вынесено постановление о заключении под стражу, весьма вероятно, что он будет помещен под стражу непосредственно после экстрадиции и в силу этого подвергнется серьезному риску жестокого обращения. Суд также обращает внимание на информацию, полученную от российского Представительства Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, подтверждающую утверждения заявителя о

риске жестокого обращения в Узбекистане в случае его экстрадиции (см. параграфы 47, 50 и 54 выше).

101. Что касается аргументов Правительства о том, что от узбекских властей были получены гарантии, Суд уже предостерегал от доверия дипломатическим гарантиям против пыток, исходящим от страны, где пытки распространены или постоянно применяются (см. дела *Чахал*, цитированное ранее, и *Саади против Италии* [БП], № 37201/06, §§ 147-148, ECHR 2008-...). Учитывая, что практика применения пыток в Узбекистане описывается признанными международными экспертами как систематическая (см. параграфы 81-83 выше), Суд не убежден, что заверения узбекских властей представляют собой надежную гарантию от риска жестокого обращения.

102. Соответственно, насильственное возвращение заявителя в Узбекистан приведет к нарушению Статьи 3, так как там он подвергнется серьезному риску пыток или бесчеловечного либо унижающего достоинство обращения.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 КОНВЕНЦИИ

103. Заявитель жаловался по Статье 5 § 1 Конвенции, что его содержание под стражей с целью экстрадиции с 21 по 24 июля 2008 года было незаконным, поскольку не было основано на решении суда, и что национальное законодательство относительно содержания под стражей с целью экстрадиции не было достаточно четким и предсказуемым. Относимые части Статьи 5 § 1 (f) гласят:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не должен быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в соответствии с процедурой, предписанной законом:

...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

A. Представления сторон

104. Правительство признало, что содержание заявителя под стражей с 21 по 24 июля 2008 года не было основано на решении суда, но настаивало, что заявитель не обжаловал этого. В частности, оно утверждало, что адвокат заявителя не подал надлежащую жалобу на это в национальный суд (см. параграф 36 выше). В то же время,

Правительство настаивало, что, в любом случае, данный период содержания под стражей был санкционирован решением суда от 24 июля 2008 года, которым срок содержания заявителя под стражей был продлен до 12 декабря 2008 года.

105. Далее Правительство утверждало, что содержание заявителя под стражей с целью экстрадиции полностью соответствовало национальному законодательству, в частности Статье 466 § 1 Уголовно-процессуального кодекса. Ссылаясь на определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года (см. параграф 73 выше), оно утверждало, что соответствующие положения были предсказуемыми, четкими и предвидимыми и позволяли заявителю оценить длительность его содержания под стражей с целью экстрадиции.

106. Заявитель не согласился с Правительством. Он утверждал, что решение по его жалобе на незаконность его содержания под стражей с 21 по 24 июля 2008 года было принято 4 августа 2008 года, то есть после вынесения решения от 24 июля 2008 года о продлении срока его содержания под стражей до 12 декабря 2008 года, и что в данных обстоятельствах для него было бы бесполезно и неэффективно обжаловать далее действия начальника следственного изолятора, поскольку это привело бы не к его освобождению из незаконного содержания под стражей, а скорее к дисциплинарным мерам в отношении должностного лица. Далее он утверждал, что он обжаловал решение о продлении срока от 24 июля 2008 года, что могло бы стать эффективным средством правовой защиты, но национальные суды не рассмотрели вопрос незаконности его содержания под стражей с 21 по 24 июля 2008 года.

107. Заявитель утверждал, что национальные нормы, регулирующие содержание под стражей с целью экстрадиции, не были достаточно четкими и предсказуемыми. Он далее утверждал, что применение срочных мер Судом не могло послужить оправданием для продления срока его содержания под стражей с целью экстрадиции на неопределенный срок.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

108. Правительство выдвинуло возражения о том, что заявителем не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты. Суд повторяет, что решающее значение в оценке эффективности средств правовой защиты имеет вопрос, мог ли заявитель подать жалобу с тем, чтобы получить прямое и своевременное возмещение, а не только косвенный способ защиты прав, гарантированных в Статье 5

Конвенции (см. среди других источников, дело *Белоусов против России*, № 1748/02, §§ 67-69, 2 октября 2008). Кроме того, на Правительство-ответчика, заявляющее о неисчерпании, возлагается обязанность с достаточной ясностью указать Суду на средства правовой защиты, к которым заявитель не обратился, и убедить Суд, что данные средства правовой защиты были эффективными и доступными в теории и на практике в соответствующее время, то есть, что они были доступны, были способны обеспечить возмещение в отношении жалобы заявителя и предполагали разумные шансы на успех (см. дело *Кеннет Айхан и Мехмет Салих Айхан против Турции*, № 41964/98, § 65, 27 июня 2006).

109. Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что Правительство предположило, что заявитель должен был обратиться в суд с жалобой на его незаконное содержание под стражей в период с 21 по 24 июля 2008 года. Оно не уточнило правовых норм, предусматривающих возможность подать такую жалобу в суд. Также Правительство не привело ни одного примера из отечественной практики, показывающего, что у заявителя была возможность успешно подать такую жалобу. В связи с этим Суд отмечает, что законодательство России предусматривает два пути обжалования в ситуации заявителя. Первый, который был использован заявителем, состоит в подаче жалобы в соответствии со Статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса в рамках уголовного судопроизводства; второй – в обращении за компенсацией в рамках гражданского судопроизводства.

110. Что касается средств правовой защиты в гражданском процессуальном праве, Суд отмечает, что Правительство не сослалось ни на какую правовую норму, предусматривающую возможность подать такую жалобу в суд. Также Правительство не привело ни одного примера из отечественной практики, показывающего, что у заявителя была возможность подать такую жалобу. Что касается национальных уголовно-процессуальных средств правовой защиты, Суд отмечает, что Статья 125 Уголовно-процессуального кодекса предусматривает, что национальные суды должны рассматривать жалобы в течение пяти дней со дня их получения. В данном деле жалоба заявителя, поданная 22 июля 2008 года, была рассмотрена в городском суде 25 июля 2008 года; это было в течение установленного срока, но после принятия решения тем же судом 24 июля 2008 года о продлении срока содержания заявителя под стражей до 12 декабря 2008 года, санкционировавшего задним числом содержание под стражей в оспариваемый период. Кроме того, Суд отмечает, что заявитель поднял вопрос о его незаконном содержании под стражей с 21 по 24 июля 2008 года перед городским судом (см. параграф 37

выше), воспользовавшись таким образом путем, предписанным национальным правом.

111. При таких обстоятельствах, весьма сомнительно, что заявитель мог эффективно оспорить законность этого периода содержания под стражей в суде. Поэтому Суд отклоняет возражения Правительства о неисчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты в отношении его содержания под стражей с 21 по 24 июля 2008 года.

112. Суд отмечает, таким образом, что жалоба не является явно необоснованной по смыслу Статьи 35 § 3 Конвенции. Кроме того, он отмечает, что она не является неприемлемой и по иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

2. *Существо дела*

113. Суд ранее отмечал, что в случаях, касающихся лишения свободы, представляется особенно важным, чтобы соблюдался общий принцип правовой определенности. Требование «качества закона» в отношении Статьи 5 § 1 подразумевает, что в тех случаях, когда национальное законодательство разрешает лишение свободы, оно должно поддаваться оценке, быть четким и предсказуемым в применении, с тем чтобы избежать любого риска произвольности (см. дела *Барановски против Польши*, № 28358/95, § 50-52, ECHR 2000 III, и *Худоеров против России*, № 6847/02, § 125, ECHR 2005-X (выдержки)).

114. Поскольку вопрос касается качества национального законодательства, регулирующего содержание под стражей в ожидании экстрадиции, Суд отмечает, что он уже сталкивался с аналогичным вопросом в делах *Насруллоев против России*, № 656/06, § 77, 11 октября 2007; *Исмоилов и другие*, цитированное ранее, §§ 138-140, и *Рябкин против России*, № 8320/04, §§ 127-130, 19 июня 2008, где Суд установил, что положения российского законодательства, регулирующие заключение под стражу лиц с целью экстрадиции, не соответствуют уровню стандарта «качества закона», требуемого Конвенцией.

115. В своей аргументации по данному делу Правительство ссылалось на определение Конституционного Суда № 333-О-П от 1 марта 2007 года. Суд отмечает, что данное определение установило, что национальные правовые нормы и практика, регулирующие содержание под стражей с целью экстрадиции, должны соответствовать общим правилам уголовного производства и что данное определение не ввело никаких новых уголовно-процессуальных норм, которым национальные суды должны были бы следовать, рассматривая дела о таком содержании под стражей. Принимая во внимание, что в вышеупомянутых делах Суд уже устанавливал, что уголовно-процессуальные нормы, регулирующие

такое содержание под стражей, противоречивы, взаимоисключающи и не ограничены адекватной защитой от произвола, Суд не может решить, что ссылка Правительства на определение Конституционного Суда от 1 марта 2007 года обеспечивает иные выводы относительно положений российского права, регулирующих содержание лиц под стражей с целью их экстрадиции, и их применения в данном деле.

116. Далее Суд отмечает, что Правительство признало, что содержание заявителя под стражей с 21 по 24 июля 2008 года не было основано на решении суда. В то же время, оно утверждало, что, в любом случае, данное содержание под стражей было санкционировано решением суда от 24 июля 2008 года, которое санкционировало содержание заявителя под стражей с 12 июня по 24 июля 2008 года и продлило его до 12 декабря 2008 года.

117. Суд отмечает противоречивость позиции Правительства относительно правовых оснований содержания заявителя под стражей с 21 по 24 июля 2008 года. Но даже допуская, что данное содержание под стражей было санкционировано решением суда от 24 июля 2008 года, Суд повторяет, что любое санкционирование содержания под стражей с обратной силой не совместимо с правом на «личную неприкосновенность», поскольку оно неизбежно связано с произволом. Позволение томить заключенного под стражей без судебного решения равносильно попранию Статьи 5 - нормы, которая делает заключение под стражу исключением из права на свободу, допустимым в исчерпывающе перечисленных и строго определенных случаях (см. дело *Худоеров*, цитированное ранее, § 142).

118. Следовательно, имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

119. Заявитель жаловался по Статье 5 § 4 Конвенции, что он не имел возможности добиться судебной проверки законности его содержания под стражей. Статья 5 § 4 гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Представления сторон

120. Правительство утверждало, что жалоба заявителя должна быть отклонена как явно необоснованная, и указало, что все его жалобы в

отношении его содержания под стражей с целью экстрадиции были рассмотрены национальными судами в соответствии с относимыми нормами Уголовно-процессуального кодекса. Таким образом, заявитель имел возможность получить судебную проверку его содержания под стражей.

121. Заявитель утверждал, что российские суды не рассмотрели безотлагательно законность его содержания под стражей в нарушение Статьи 108 § 11 Уголовно-процессуального кодекса, которая требует рассмотрения жалоб судами кассационной инстанции в течение трех дней со дня их получения. Он указывал, что все его жалобы на решение об экстрадиции были рассмотрены судами со значительными задержками.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

122. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции. Он далее отмечает, что она не является неприемлемой ни по каким иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

2. Merits

123. Суд повторяет, что Статья 5 § 4 Конвенции, гарантируя задержанным лицам право инициировать процедуру обжалования законности их содержания под стражей, также провозглашает их право, после возбуждения такого разбирательства, на безотлагательное судебное решение относительно законности содержания под стражей и на его прекращение в случае признания его незаконным (см. дело *Барановски*, цитированное выше, § 68). Государство же должно организовать свою судебную систему таким образом, чтобы предоставить возможность судам соблюдать требования Статьи 5 § 4 (см., *mutatis mutandis*, дело *Р.М.Д. против Швейцарии*, 26 сентября 1997, § 54, *Отчеты* 1997-VI). Вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное решение, должен быть рассмотрен в свете обстоятельств каждого дела (см. дело *Рехбок против Словении*, № 29462/95, § 84, ECHR 2000-XII).

124. Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что заявитель подал пять жалоб на судебные решения о продлении. Первая жалоба была подана 17 июня 2008 года на решение суда от 12 июня 2008 года; данная жалоба была рассмотрена Верховным Судом Республики Марий Эл 2 июля 2008 года, то есть через 15 дней после ее получения судом. Вторая жалоба была подана 7 июля 2008 года на

решение суда о продлении срока от 4 июля 2008 года; данная жалоба была рассмотрена Верховным Судом Республики Марий Эл 1 августа 2008 года, то есть через двадцать пять дней после ее получения судом. Третья жалоба была подана 28 июля 2008 года на решение суда от 24 июля 2008 года; данная жалоба была рассмотрена Верховным Судом Республики Марий Эл 14 августа 2008 года, то есть через двадцать один день после ее получения судом. Четвертая жалоба была подана 2 декабря 2008 года на решение суда от той же даты; данная жалоба была рассмотрена Верховным Судом Республики Марий Эл 19 декабря 2008 года, то есть через четырнадцать дней после ее получения судом. Пятая жалоба была подана 13 марта 2009 года на решение суда от 11 марта 2009 года; данная жалоба была рассмотрена Верховным Судом Республики Марий Эл 26 марта 2009 года, то есть через тринадцать дней после ее получения судом.

125. Суд далее отмечает, что на протяжении разбирательств заявитель оставался под стражей, и что Правительство не утверждало, что заявитель или его адвокат каким-либо образом затягивали производство по жалобам. Отсюда следует, что вся длительность этого производства должна быть отнесена на счет национальных властей.

126. Правительство не представило никакого оправдания задержкам в рассмотрении жалоб заявителя. В этой связи Суд повторяет, что для случаев, когда личная свобода индивида оказывается под угрозой, Суд установил очень строгие стандарты относительно соблюдения требования безотлагательного рассмотрения законности содержания под стражей государством (см., например, дело *Кадем против Мальты*, № 55263/00, §§ 44-45, 9 января 2003, где Суд счел задержку в семнадцать дней при рассмотрении законности содержания заявителя под стражей чрезмерной, и дело *Бутусов против России*, № 7923/04, § 35, 22 декабря 2009, где Суд счел задержку в двадцать дней при рассмотрении заявления об освобождении чрезмерной).

127. С учетом вышеизложенного Суд считает, что задержки, которые являются предметом спора, варьирующиеся от тринадцати до двадцати пяти дней, не могут считаться совместимыми с требованием Статьи 5 § 4 о «безотлагательности».

128. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

129. Заявитель утверждал, что у него не было эффективного средства правовой защиты в отношении вышеназванных нарушений. Он ссылаясь на Статью 13, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Представления сторон

130. Правительство утверждало, что заявитель имел доступ к национальным судам в отношении его жалоб о риске жестокого обращения. Оно ссылалось на его дело *Курбанов против России* (№ 19293/08), в котором решение об экстрадиции заявителя в Узбекистан было отменено Верховным Судом Российской Федерации 28 мая 2008 года. Оно утверждало, что такое средство правовой защиты было эффективным, и тот факт, что жалобы заявителя не принесли желаемого результата, не доказывает его неэффективности.

131. Заявитель повторил доводы своей жалобы.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость

132. Суд отмечает, что жалоба заявителя по Статье 13 не является явно необоснованной в понимании Статьи 35 § 3 Конвенции и не является неприемлемой ни по каким иным основаниям. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо дела

133. Суд отмечает, что обязанности Государства по Статье 13 варьируются в зависимости от природы жалобы заявителя по Конвенции. Учитывая необратимую природу вреда, который может быть причинен в случае реализации предполагаемого риска пыток и жестокого обращения, и важность, которую Суд придает Статье 3, понятие эффективного средства правовой защиты по Статье 13 предусматривает (i) независимое и тщательное исследование заявления о том, что есть веские основания полагать, что существует реальный риск обращения, противоречащего Статье 3, в случае выдачи заявителя в страну назначения, и (ii) обеспечение эффективной возможности приостановки исполнения мер, последствия которых потенциально необратимы (или «средства правовой защиты с автоматическим приостанавливающим действием», как было сказано в деле *Гебремедин [Габерамедин] против Франции*, № 25389/05, § 66 *in fine*, ECHR 2007-V, которое касалось просителя убежища, желавшего

попасть на территорию Франции); см. также дела *Ябари против Турции*, № 40035/98, § 50, ECHR 2000-VIII; *Шамаев и другие*, цитированное ранее, § 460; *Олекеа Кахаус против Испании*, № 24668/03, § 35, ECHR 2006-X; и *Салах Шикх против Голландии*, № 1948/04, § 154, ECHR 2007-I (извлечения).

134. Процедура судебного контроля, в принципе, представляет собой эффективное средство правовой защиты по смыслу Статьи 13 Конвенции в отношении жалоб в контексте высылки и экстрадиции при условии, что суды могут эффективно контролировать законность применения исполнительной властью полномочий по материально-правовым и процессуальным основаниям и отменять решения в случае необходимости (см. дело *Сливенко против Латвии* (реш.) [БП], № 48321/99, § 99, ECHR 2002-II). Возвращаясь к обстоятельствам данного дела, Суд отмечает, что решение Генерального прокурора об экстрадиции заявителя было оставлено в силе Московским городским судом и Верховным Судом. В своих решениях национальные суды не провели детального исследования утверждений заявителя о риске жестокого обращения в Узбекистане и лишь сослались в общих чертах на гарантии, предоставленные узбекскими властями (см. параграф 18 выше). В результате, суды не провели тщательного исследования жалоб заявителя о риске жестокого обращения в случае его экстрадиции в Узбекистан.

135. Что касается ссылки Правительства на дело *Курбанов против России*, Суд указывает, что решение об экстрадиции заявителя в данном деле было действительно отменено; однако, это произошло потому, что Верховный Суд применил нормы о сроке давности привлечения к уголовной ответственности и прекратил экстрадиционные процедуры в связи с их истечением, а не потому что он рассмотрел вопрос о риске жестокого обращения с заявителем в случае его экстрадиции.

136. Необходимо также отметить, что Правительство не сослалось ни на одну норму национального законодательства, которая могла бы предоставить возмещение в ситуации заявителя или имела бы приостанавливающий эффект в отношении его экстрадиции (см., *mutatis mutandis*, дело *Муминов*, цитированное ранее, §§ 102-104).

137. Следовательно, Суд приходит к выводу, что в обстоятельствах настоящего дела имело место нарушение Статьи 13 Конвенции, поскольку заявителю не было предоставлено эффективного и доступного средства правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 3 Конвенции.

138. Что касается жалобы заявителя по Статье 5 Конвенции, в свете установленного прецедентного права Суда, указывающего, что более специальные гарантии Статьи 5, будучи *lex specialis* по отношению к Статье 13, поглощают ее требования (см. дело *Димитров против*

Болгарии (реш.), № 55861/00, 9 мая 2006), и ввиду его ранее сделанных выводов о нарушении Статьи 5 Конвенции, Суд считает, что в обстоятельствах данного дела не возникает отдельного предмета спора в отношении Статьи 13 в совокупности со Статьей 5 Конвенции.

VI. ИНЫЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

139. Суд рассмотрел иные жалобы, представленные заявителем по Статье 5 § 1 Конвенции о том, что его содержание под стражей с 13 ноября 2008 года по 11 июня 2009 года было незаконным, и жалобу по Статье 6 § 2 о том, что решение Верховного Суда Республики Марий Эл от 31 октября 2008 года нарушило его право на презумпцию невиновности. Однако, учитывая все представленные материалы, Суд находит, что данные жалобы не раскрывают наличие нарушений прав и свобод, установленных в Конвенции или протоколах к ней.

140. Отсюда следует, что эта часть жалобы явно необоснованна и должна быть отклонена в соответствии со Статьей 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

VII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

141. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

142. Заявитель требовал 15 000 евро (EUR) в части компенсации нематериального вреда.

143. Правительство не оспаривало заявленную сумму.

144. Суд, производя оценку на справедливой основе, присуждает выплатить заявителю EUR 13 000 за нематериальный вред, а также любые налоги, которые могут быть взысканы с данной суммы.

B. Издержки и расходы

145. Ссылаясь на договоры об оплате и отчеты юристов о затратах времени на выполнение работ, заявитель требовал EUR 9 100 (EUR 4 400 и 188 000 рублей (RUB)) за работу его представителей г-на Р. Зильбермана и г-жи Е. Рябининой по представлению его интересов в

национальных органах и перед Судом, а также EUR 610 за административные и почтовые расходы.

146. Правительство утверждало, что заявитель не представил никаких доказательств того, что оплата была необходима и разумна.

147. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявителю причитается возмещение издержек и расходов только в том случае, если будет показано, что они были действительно понесены, а также необходимы и разумны по своим размерам. В настоящем деле, учитывая представленные документы и вышеназванные критерии, Суд считает разумным присудить сумму EUR 9 000 в качестве возмещения всех заявленных издержек.

С. Проценты за просроченный платеж

148. Суд считает уместным, чтобы проценты за просрочку платежа исчислялись из расчета кредитной ставки Европейского Центрального Банка, к которым должны быть добавлены три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ, СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Объявляет* жалобы по Статье 3, Статье 5 § 1 в отношении содержания заявителя под стражей с 21 по 24 июля 2008 года, Статье 5 § 4 и Статье 13 приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *Постановляет*, что в случае исполнения решения об экстрадиции заявителя будет нарушена Статья 3 Конвенции;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей с 21 по 24 июля 2008 года;
4. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в совокупности со Статьей 3 Конвенции;
6. *Постановляет*, что нет необходимости рассматривать предполагаемое нарушение Статьи 13 в совокупности со Статьей 5 Конвенции;

7. *Постановляет,*

(а) что Государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с момента вступления данного решения в законную силу в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции следующие суммы, конвертированные в рубли по ставке, действующей на день оплаты:

(i) EUR 13 000 (тринадцать тысяч евро) плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы, в качестве компенсации нематериального ущерба;

(ii) EUR 9 000 (девять тысяч евро) в качестве возмещения расходов на представительство заявителя, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы;

(b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до осуществления выплаты должны выплачиваться простые проценты на вышеуказанную сумму по курсу равному минимальной кредитной ставке Европейского Центрального Банка за период задержки выплаты плюс три процентных пункта;

8. *Отклоняет* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Выполнено на английском языке и доведено до общего сведения 29 июля 2010 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Президент